

ПОБЕГИ РАСПАТЫ

Перевод с испанского
ПАВЛА ГРУШКО

Парагвай

Эту землю не тронь, если кровь не способна твоя,
прикоснувшись к ее пепелищам, зажечься, как факел,
озарить, как оживший костер, горизонта края.

Обесцвеченной картой пейзаж опаленный простерт.
Этот край обмолочен цепями палящего солнца,
перепахан тоской, жерновами печали истерт.

Между Югом и Севером он недвижим, как и встарь.
Он — сплошной солнцепек, он, как бурая шкура, дымится.
Все вокруг пропитала густая прогорклая гарь.

Здесь безмолвствует Юг, как лишенный владений король,
он молчанье сжимает в морщинистой древней ладони,
лишь в стенаниях ветра его прорывается боль.

Запах листьев паленых окутал немые леса,
кровожадное лето крадется по зарослям мате...
На сожженной траве — человеческого пота роса.

Извивается Север: его полосует тесак,
отдирающий кожу коры с красностволых кебрачо,
он исходит танином в кричащих от боли лесах!

Похотливые полдни, как полчища алчущих змей,
выползают из трещин и жалят безводные дали,
в кровь людей проникают и жадно купаются в ней.

А вдали — там, где сердце иссушенной этой земли,
где трепещут дремучего края тяжелые пульсы,
маниок неподвижный купается в жаркой пыли.

Эти голые кручи и пади — приют бедноты.
Здесь рождаются дети с глазами, налитыми болью.
Полыхающим голодом вспороты их животы.

Эти дали издревле палимы безумным костром,
он вторгается в землю и гложет ее корневища,
он терзает просторы ее, он идет напролом!

Под палящими ветрами выстоял этот народ —
вековые деревья, покрытые грубой корою,
этот люд с сердцевиной из крепких древесных пород.

Здесь на людях одежды, как травы сухие, горят.
Удушающий зной раздрает усталые глотки,
отравляет дыханье, как медленный яростный яд.

Эту землю не тронь, если встретить не хочешь в ответ
ярость красного жала, когтистых корней одержимость,
жаркий обморок бездны, пожара бескрайнего бред.

Этот край молчалив... Но его понапрасну не тронь.
Под его пепелищами зреет незримый огонь.

Жива наша месьть

1

В раскидистых кронах деревьев, готовых зацвести, —
жива наша месьть.

В осенних аллеях, роняющих желтую медь, —
жива наша месьть.

В обугленных чашах, где остовов мертвых не счесть, —
жива наша месьть!

2

Я, вместе с народом деливший и радость, и беды,
я, видевший день, на ночных перекрестках распятый,
я, знавший парней, умиравших во имя победы, —
я знаю, что колокол — это расплаты глашатай.

Я, видевший слезы росы на костях расщепленных
и профиль ощеренной пули, когда воровато
она подбирается к сердцу солдат утомленных, —
я знаю: в гудящем костре обитает расплата.

Я, сливший биение сердца с напевом народа,
я, в дрожи гитар утонувший, их страстью объятый,
трепещущий перед народом, как чистая нота, —
я знаю: топор — это символ грядущей расплаты.

Я, верящий правде, ладоням ее загрубелым,
деяньям ее, откровенным, как грохот гранаты,
я, знавший девушек, шагающих в рост под обстрелом, —
я знаю: под пеплом таятся побеги расплаты.

Я, колос, проросший случайно из зернышка песни,
я, гордый наречьем, вобравшим всю ярость набата,
я, выбравший сам этот путь через топи и бездны, —
я знаю: на площади выйти готова расплата!

3

Тех, кто смеялся над матерями простоволосыми,
кто сердца их испугом ранил на каждом шагу,
тех, кто заставил их плакать в измятые простыни,—
я простить не могу...

Тех, кто улыбку невест обезобразил рыданиями,
кто втоптывал девушек в грязь на пьяном торгу,
тех, кто кровью выпятнал их приданое,—
я простить не могу...

Вы скажете: все-таки люди... снисхожденье к врагу...
Но я простить не могу!

4

На пороге рассвета, над спящей округой суровой
наша кара вплелась в горизонт полосой багровой.

Затрещали оковы, растрескались черные своды —
и трепещут шакалы, измявшие чистые всходы.

Я хочу, чтобы знали: жива справедливость на свете,
как простейшие вещи, как хлеб, как деревья и ветер.

Горизонт обложили немые сполохи пожара...
Пусть шакалы сгорят! Пусть достигнет их алая кара!

Древний огонь

Смотреть на тебя, неподвижную и нагую,—
это видеть цепочку холмов, а за нею другую,
плечи белые дюн над обрывистыми откосами...
Обнаженная, ты белее, чем белые простыни.
Смотреть на тебя — это древние вспомнить истоки,
вспомнить корни и недра и ветер жестокий,
распыляющий горы в работе своей напряженной...
Все это — видеть тебя обнаженной.

Тело твое — косогоры, откосы, нагорья,
кожа твоя — словно чуткая территория
туманных предчувствий и жарких догадок,
ты дымишься, как дерево, и дымок этот сладок,
но ты недоступна в любви твоей настороженной...
Все это — видеть тебя обнаженной.

На боках твоих синими ветрами-лезвиями
две лощины причудливые прорезаны...
Ты кажешься мне розоватою поймой,
залитой весенней водою спокойной,
полянкой, огнями цветов подоженной...
Все это — видеть тебя обнаженной.

Смотреть на тебя — это видеть немые дожди,
сбегающие по твоей холмистой груди,
вторгаться в безбрежье волнистых просторов,
кровь твою выследить до самых истоков,
словно сталь, намагнититься о магнит
твоих кос и тревожного рта: он манит,
и уже невозможно сдержать эту боль,
не догнать, не напасть, не сразиться с тобой,
не сгореть в этой страсти, тобою зажженной...

Все это — видеть тебя обнаженной!

Эта гитара сурова

1

Сколько древнего пыла и пыли каленой —
на ее струне воспаленной!
Сколько мужества и молчаливой скорби —
в ее воинственном коробе!

2

Омытая однажды отважной кровью горной,
растекшейся по струнам трагическим аккордом,
на спекшихся гвоздиках, в ночи немой и черной —
суровая гитара замрет в молчанье скорбном...

Припомнив вереницу ночей, горячих, страстных,
и клевера смятенье, когда бушуют грозы,
припомнив униженье имен простых и ясных —
суровая гитара прольет скупые слезы...

Волнуясь, страстно вторя людской мятежной дрожи
и непокорным людям, через огонь бредущим,
чьи руки на магниты корявые похожи, —
суровая гитара споет о дне грядущем...

И в день, когда к жасминам их белизна вернется
и серый пепел в росах рассветных растворится,
когда красе весенней природа улыбнется —
суровая гитара вдруг запоеет, как птица!

3

Когда не слезами, а шелком невеста платок окаймит,
суровая эта гитара, как ветер, в траве прошумит.

Когда к изумрудной равнине придет на свиданье гора,
суровая эта гитара их будет стеречь до утра.

Когда на оснастке гитары блеснет молодая луна,
суровая эта гитара очнется от страшного сна.

Когда наши пашни земные покроются всходами звезд,
суровая эта гитара, как пахарь, пройдет вдоль борозд.

Когда утвердится победа, сияньем людей озарив,
гитара суровая людям, как руку, протянет свой гриф!

Затмение луны

(ПО МОТИВАМ ПОЭЗИИ ИНДЕЙЦЕВ ГУАРАНИ)

Пружинистый прыжок!

На лбу небес испарина созвездий.
Мгновенье магии.
Рычанье.

На лунном теле — ягуара тень!
Оскалив белые клыки,
злой ягуар луну подкараулил:
с его клыков стекает сок луны,
с клыков жестоких ягуара ночи,
с клыков жестоких ягуара ливня;
он — синий ягуар,
клыки свои вонзивший в синий ветер.
Он — оскорбление луны,
чей сок стекает с яростных клыков,
которые до этого впивались
в полночный ветер,
а луна молчала.

Погоня в небе. Синий ягуар
луну околдовал.

Мгновенье магии.

Рычанье ягуара
гремит в горах,
перелетает к ветру,
от ветра — к воздуху,
от воздуха — обратно к ягуару,
а ягуар...

(Пружинистый прыжок!)

...а ягуар клыки в луну вонзает!

В ответ луна оскалила клыки:
клыки луны
перед клыками ягуара —
два белых перекошенных оскала,
оскал луны в оскале ягуара,
испуг луны, безумный бег от белых
клыков разгневанного ягуара,
летающего луне наперерез.

На лбу небес испарина созвездий...

Погоня в небе, ярость ягуара...

Охлопья шерсти ягуара —
над белыми охлопьями луны.
Охлопья белощерстые луны
смешались с шерстью ягуара...
Луна —
в охлопьях шерсти ягуара?
В охлопьях лунной шерсти —
ягуар?

Луна — клыки вонзает в ягуара?
В луну клыки вонзает — ягуар?

Погоня в небе. Синий ягуар
луну околдовал.

В ответ луна оскалила клыки:
клыки луны
перед клыками ягуара —
два белых перекошенных оскала,
оскал луны в оскале ягуара,
испуг луны, безумный бег от белых
клыков разгневанного ягуара,
летающего луне наперерез.

Пружинистый прыжок!

Мгновенье магии.
Рычанье ягуара
гремит в горах,
перелетает к ветру,
от ветра — к воздуху,
от воздуха обратно к ягуару,
а ягуар...

А ягуар луну на небе съел!

